

М. И. Урысон

**ДАРВИН, ЭНГЕЛЬС И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АНТРОПОГЕНЕЗА**

Едва ли какая-либо другая книга в истории мировой науки (кроме «Капитала» Маркса) вызвала столь большой резонанс, в такой мере всколыхнула умы людей, как книга Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859)¹. Эта книга породила такое огромное количество литературы во всех областях науки от биологии и до философии, что ее можно назвать без преувеличения вехой не только в истории естествознания, но и в истории человеческой мысли вообще.

Почему дарвинизм стал началом новой эры в биологии?

Было бы ошибочным считать, что сила дарвиновского гения заключалась лишь в том, что он утвердил и на множестве фактов доказал принцип развития в живой природе, эволюцию органического мира. Так утверждать — значило бы бесконечно умалить заслугу Дарвина перед человечеством, поставить его в один ряд с фигурами, гораздо менее значительными в истории науки, чем он. Эволюционистов было немало в истории науки, были они и задолго до Дарвина, и одновременно с Дарвином, и после него. Были среди них и такие яркие фигуры, как Бюффон и Жофруа Сент-Илер, и такие мрачные фигуры, как создатель реакционной концепции «холизма» расист Сметс. Среди эволюционистов были, да и в настоящее время имеются, откровенные идеалисты, мистики и даже мракобесы.

Следовательно, дело не только и не столько в эволюционизме Дарвина.

Смысл переворота, произведенного Дарвином в биологии, заключается в том, что он первым дал материалистическое объяснение целесообразности в природе и движущих сил эволюционного процесса. До Дарвина целесообразность органического мира объяснялась с телеологических и деистических позиций, что, например, весьма характерно для учения Ламарка. Дарвин же обосновал последовательно материалистическую теорию естественного отбора как главного и решающего фактора эволюционного процесса и целесообразности в природе.

Следовательно, учение Дарвина — это не просто учение об эволюции, о развитии в живой природе. Учение Дарвина — это теория естественного отбора как главной причины эволюционного процесса и видообразования.

Те, кто отрицают решающее значение естественного отбора в прогрессе органического мира или ограничивают его действие, вольно или невольно отходят от дарвинизма, становясь на позиции его противников. Все варианты неоламаркизма, такие, как механоламаркизм, психоло-

¹ Ч. Дарвин. Происхождение видов путем естественного отбора. Соч., т. 3, М., 1939.

маркизм, теории прямого приспособления и другие модные течения в современной биологии, отрицая естественный отбор, неизбежно приходят к концепциям ортогенеза, автогенеза, конвергентного развития, а в конечном итоге к идеализму в биологии.

Совершенно очевидно, что учение Дарвина не имело бы столь большого общественного резонанса, не произвело бы столь коренного переворота в умах людей и во всем господствовавшем в ту эпоху мировоззрении, если бы оно не было применено к проблеме происхождения человека, т. е. к той проблеме, которая, казалось бы, была наиболее надежным убежищем идеализма, метафизики и религиозных воззрений. Поэтому книга Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» (1871)², в которой великий натуралист пришел к выводу, что человек — неотъемлемая часть живой природы и что его возникновение не есть исключение из общих закономерностей развития органического мира, явилась подлинным потрясением устоев идеализма и религии и огромной победой материалистического мировоззрения.

Вместе с тем широко известно, что Дарвин, обосновав симиальную теорию антропогенеза и постулировав, следовательно, происхождение человека от общего с современными антропоидами ископаемого обезьяноподобного предка, полагал, что между человеком и животным существуют лишь количественные различия. Он оставил без существенного внимания глубокие качественные отличия человека от животного, в частности трудовую деятельность, общественное производство, социальные основы человеческого существования³. Более того, он был склонен распространить действие естественного и полового отбора на формирование даже некоторых нравственных, эстетических и других качеств человека, никак не вытекающих из его биологической природы, а обусловленных его социальной сущностью.

Вероятно, именно полемическим характером и новизной идей можно объяснить стремление Дарвина к чрезмерному сближению человека и животного, что обусловило существенную (с точки зрения современной науки) недооценку им качественных различий между ними. Этот гносеологический феномен вполне объясним самой направленностью его творческих исканий, стержневым содержанием его естественнонаучной и философской концепции. Для Дарвина главным было доказательство «земной» сущности человека, его неразрывной связи со всей окружающей природой, его естественного, животного происхождения. Уничтожив пропасть между остальной природой и человеком, которому веками приписывалась божественная сущность, Дарвин как бы вернул человека в его «земное лоно». Это была реакция на господствовавшее веками мировоззрение: слишком резко человек противопоставлялся всему остальному животному миру.

Разумеется, приведенные соображения имеют своей целью не столько оправдать позицию великого натуралиста в вопросе о характере различий между человеком и животными, сколько объяснить ее. Ведь хорошо известно, что недооценка Дарвином качественной специфики человека как существа социального повлекла за собой немало отрицательных последствий в плане возникновения на рубеже XIX и XX вв. целой системы социально-исторических и даже политических концепций, известных в науке под названием социального дарвинизма. Сторонники этих концепций, опираясь на авторитет великого натуралиста, но вместе с тем извращая дух учения Дарвина, перенесли принцип естественного отбора и борьбы за существование на человеческое общество, пытались, таким образом, явления, происходящие в сфере социальных отношений, трактовать как результат действия законов природы, открытых

² Ч. Дарвин. Происхождение человека и половой отбор. Соч., т. 5, М., 1953.

³ И. Андреев. Диалектико-материалистическая концепция происхождения человека и общества. — «Коммунист», 1976, № 10, с. 77.

Дарвином. Дело еще усугубилось тем, что концепции социального дарвинизма позже были взяты на вооружение так называемыми антропосоциологами (Ж. Лапуж, О. Аммон и др.), которые пошли еще дальше, выступив с «теориями» биологической обусловленности исторического процесса и объясняя социальные неурядицы капиталистического общества, эксплуатацию, разорение народных масс, нищету, войны и т. д. не порочностью самого общественного строя, а чисто биологическими причинами, в частности борьбой за существование и конкуренцией между биологически более полноценными и менее полноценными расами и т. д. Таким образом, социальный дарвинизм переплелся с расизмом — одним из самых больших духовных зол современного общества.

Разумеется, Дарвин, создавший учение о естественном отборе, не несет ответственности за извращение его идей и использование их во вред науке и социальному прогрессу. Дело в том, что Дарвин никогда не пытался применить принцип естественного отбора к развитию человеческого общества. Дарвин был биологом, проблемами социологии специально никогда не занимался, а созданную им теорию эволюции органического мира он никогда не применял к исследованию социальных проблем.

Однако к эволюции человека как биологического вида Дарвин, разумеется, применил теорию естественного отбора, что было в полном соответствии со всем духом его материалистической естественнонаучной концепции. Раз все биологические виды возникли при решающем участии естественного отбора, то и человек не мог быть исключением из этих закономерностей эволюционного процесса. В противном случае человек оказался бы вновь отброшенным за пределы сферы научного познания, как это было в додарвиновскую эпоху.

Следовательно, распространение Дарвином принципа естественного отбора на проблему происхождения человека можно рассматривать как последовательное развитие его эволюционной концепции, как величайшее достижение естественнонаучной мысли XIX в. Что же касается извращений учения Дарвина социальными дарвинистами, то одной из причин этого является то, что некоторые убежденные последователи Дарвина и страстные пропагандисты его идей (в частности, Э. Геккель и др.) пытались придать им универсальный характер, распространив их и на процессы, протекающие в человеческом обществе. Это, бесспорно, противоречило сущности дарвинизма как чисто биологической теории. Но, как указывалось выше, поводом к этому скорее всего послужили некоторые высказывания Дарвина, содержавшие недооценку качественных отличий человека от животных, таких, как трудовая деятельность, общественное производство и другие стороны социального бытия человека.

Именно на эти качественные отличия человека от животных особое внимание обратил Ф. Энгельс в своей знаменитой статье «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека»⁴, написанной им в 1876 г., впервые опубликованной в 1896 г. и ставшей широко известной советским читателям лишь в 1925 г. (в первом советском издании «Диалектики природы»). Можно предположить, что этот выдающийся теоретик марксизма был крайне озабочен уже появившимися к тому времени статьями Ф. Гальтона и других биологов, которые широко пропагандировали идеи социального дарвинизма. Опасность этих идей Энгельсу была совершенно очевидна, ибо они коренным образом противоречили основным принципам марксистской философии.

Биологизируя исторический процесс и объясняя явления, протекающие в человеческом обществе, законами борьбы за существование и выживание наиболее биологически «полноценных» особей, эти идеи шли

⁴ Ф. Энгельс. Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20.

вразрез с гуманистическими принципами теории научного социализма, разработанной Марксом и Энгельсом.

Все это, возможно, и явилось одним из поводов⁵ к написанию Энгельсом этой работы, сыгравшей, как известно, выдающуюся роль в формировании диалектико-материалистической концепции антропогенеза и возникновения человеческого общества.

Опираясь на симбиотическую теорию происхождения человека, созданную Дарвином, Энгельс особое внимание уделяет значению трудовой деятельности в процессе выделения человека из животного мира, в становлении тех черт и особенностей его организации, которые сделали человека социальным существом и в конечном итоге привели к возникновению человеческого общества с присущими ему атрибутами и закономерностями. Как философа и социолога Энгельса прежде всего интересовали общефилософские и методологические аспекты проблемы антропогенеза, т. е. возникновения качественно нового существа в ходе эволюции органического мира. Что же касается конкретных механизмов эволюции человека как биологического вида, факторов, обусловивших трансформацию обезьяноподобного предка в современного человека, то этой стороне проблемы Энгельс, не будучи биологом, разумеется, уделил несколько меньшее внимание, чем общефилософскому аспекту проблемы. В своей статье Энгельс рассматривает прямохождение и труд, а в дальнейшем и членораздельную речь как решающие факторы, обусловившие эволюционное преобразование обезьяны в человека.

Поскольку в работе Энгельса нет никаких указаний на значение естественного отбора в процессе эволюции человека и вообще термин «естественный отбор» не упоминается, могло создаться впечатление, что Энгельс был противником распространения принципа естественного отбора на процесс антропогенеза и что, по его мнению, труд был не только решающим, но и единственным фактором эволюции человека как биологического вида. Это впечатление усиливалось еще указанием Энгельса на то, что труд оказывал прямое влияние на строение и функции руки с последующей передачей по наследству индивидуально приобретенных особенностей.

Тезис Энгельса «труд создал человека» стал многими восприниматься как доказательство того, что закономерности эволюции человека в корне отличны от законов развития остального органического мира и что основные принципы эволюционной теории Дарвина, в том числе и естественный отбор, не применимы к процессу видовой эволюции человека.

Когда статья Энгельса впервые стала известна советским биологам и антропологам, она вызвала огромный интерес. Уже в сборнике «Эволюция человека» (1925), вышедшем под редакцией М. А. Гремяцкого, эта статья фигурировала наряду со многими переводными классическими работами по теории антропогенеза. Таким образом, идеи Энгельса о роли труда в эволюции человека были еще в 1925 г. введены в советскую антропологическую литературу. С этого времени теория Энгельса стала важнейшей методологической основой исследований советских антропологов в области антропогенеза.

В 30-е годы, когда закладывались методологические принципы советской антропологии, покоившиеся на основных положениях марксистско-ленинской философии, идеи Энгельса о роли труда, разумеется, находили все большее место в теоретических исследованиях проблемы антропогенеза. Но в те годы в научной и научно-популярной биологической и антропологической литературе нередко можно было встретить утверждения, согласно которым учение о естественном отборе, справедливое лишь для развития растительного и животного мира, не при-

⁵ Н. Б. Тер-Акопян. Фридрих Энгельс о проблеме становления человека. — «Сов. этнография», 1976, № 6, с. 8.

менимо к исследованию проблемы антропогенеза. Считалось почти общепризнанным, что с момента появления древнейших представителей человеческого рода и возникновения первых орудий труда естественный отбор как фактор видообразования уже никакого существенного значения не имел, а его место заняли социальные закономерности, в частности труд, который в качестве решающего (и даже единственного) фактора определял весь ход эволюционного преобразования человека⁶. Учение Дарвина объявлялось, таким образом, справедливым лишь для дочеловеческого периода эволюции органического мира, а для человеческого периода эволюционной истории уже неприменимым⁷. Здесь безраздельно вступает в свои права трудовая теория Энгельса, основные принципы которой якобы противоречат концепции естественного отбора Дарвина.

Положение еще более осложнилось в конце 40-х и в 50-х годах, когда в советской биологической науке под флагом «творческого дарвинизма» руководство захватило по сути своей неоламаркистское направление, атаковавшее самые основы учения Дарвина и сердцевину его — теорию естественного отбора. Вместо нее основой эволюционного процесса было провозглашено прямое приспособление к среде и наследование приобретенных признаков. Сторонники этого направления уже откровенно заявляли о полной неприемлемости учения Дарвина для объяснения процесса антропогенеза, подкрепляя свою позицию трудовой теорией Энгельса. Эта теория будто бы полностью подтверждает положение о наследовании приобретенных признаков и не оставляет никакого места для принципа естественного отбора. По мнению этих теоретиков, трудовая деятельность в буквальном смысле слова «лепила» организм предков человека, видоизменяя все его структуры и функции, причем изменения, возникавшие в результате трудовых операций, передавались по наследству и таким образом закреплялись в потомстве. Так современные неоламаркисты пытались представить Ф. Энгельса в качестве противника дарвинизма и сторонника неоламаркизма.

Беспочвенность и полная научная несостоятельность подобных теоретических «упражнений» была совершенно очевидна, ибо хорошо известно, сколь высокую оценку давали классики марксизма, в том числе Ф. Энгельс, учению Дарвина. Тем не менее вплоть до середины 60-х годов любая попытка применить теорию естественного отбора к процессу антропогенеза рассматривалась как «грубая биологизация» человека, как отход от марксистской трудовой теории антропогенеза⁸.

Таким образом, труд противопоставлялся естественному отбору, а трудовая теория Энгельса — учению Дарвина.

В настоящее время положение решительно изменилось, роль естественного отбора в процессе антропогенеза большинством антропологов и биологов не оспаривается. Однако все еще продолжает оставаться неясной и мало разработанной в советской литературе проблема соотношения естественного отбора и трудовой деятельности, учения Дарвина и трудовой теории Энгельса в объяснении становления человека как биологического вида.

Вряд ли нуждается в особых доказательствах тот факт, что закономерности эволюционного процесса, открытые Дарвином, в частности

⁶ М. Ф. Нестурх. Человек и его предки. М., 1934.

⁷ Однако и в этот период появлялись отдельные исследования, отводившие естественному отбору немаловажное место в системе факторов эволюции предков человека. См., например, Я. Я. Рогинский. Проблема происхождения *Homo sapiens*. — «Успехи современной биологии», 1938, т. IX, вып. 1.

⁸ Так, например, резкой критике на страницах специальных изданий была подвергнута работа Г. А. Шмидта «Проблема отбора в антропогенезе» («Уч. записки МГУ», 1948, вып. 115). В этой статье автор указывал на роль отбора (действующего, правда, в несколько видоизмененной форме) как одного из важных факторов эволюционного формирования предков человека.

принцип естественного отбора, справедливы для всех биологических видов, и человек как биологический вид не может представлять исключения из этих универсальных закономерностей органической эволюции.

Человек в своей прогрессивной видовой эволюции от животного предка до *Homo sapiens* прошел ряд стадий, каждая из которых характеризовалась определенным комплексом черт морфологической структуры, физиологического статуса и уровня социального поведения, обусловленного прежде всего строением и степенью морфофункциональной дифференциации головного мозга.

Поскольку эволюция, на каком бы уровне она ни протекала, представляет собой адаптивный процесс, она неизбежно должна совершаться под решающим влиянием естественного отбора, ибо приспособление к условиям окружающей среды может быть реализовано только в случае элиминации не приспособленных к этим условиям. Разумеется, человек не может быть исключением из этих закономерностей, ибо и его видовая эволюция, т. е. развитие и усложнение морфологической структуры, физиологического статуса, а также повышение уровня социального поведения древних гоминид, тоже являлись приспособительным процессом, а следовательно, и протекали под решающим контролем естественного отбора.

Прежде чем приступить к анализу соотношения трудовой деятельности и естественного отбора в процессе биологической (видовой) эволюции человека, желательно напомнить основные принципы эволюционной теории в том виде, в каком она сложилась в 70—80-х годах XIX в., т. е. в тот период, когда единственным ее источником были труды ее творца — Чарлза Дарвина — и прежде всего его книги «Происхождение видов путем естественного отбора» и «Происхождение человека и половой отбор».

В качестве основных движущих сил органической эволюции Дарвин выдвинул три следующих фактора: изменчивость, наследственность и естественный отбор (ведущий фактор).

Изменчивость Дарвин рассматривал как нечто, данное самой природой, не занимаясь исследованием ее причин, которые в то время известны не были. Однако Дарвин имел в виду, конечно, наследственную изменчивость, ибо только она, разумеется, может иметь значение для эволюции в качестве необходимого материала для отбора.

Особое значение Дарвин придавал мелким, случайным разнонаправленным внутривидовым изменениям, которым он дал наименование «неопределенная изменчивость». Неопределенной он назвал эту изменчивость по той причине, что ее нельзя было поставить в связь с какими-либо конкретными воздействиями внешней среды. Эти ничтожные изменения (уклонения) в данных конкретных условиях среды могут оказаться полезными для организма, и тогда они подхватываются отбором, а особи, обладающие этими изменениями, выживают, оставляют большее потомство и распространяются на более широкий ареал. Полезные изменения, таким образом, наследственно закрепляются. Наиболее резко уклоняющиеся разновидности в результате внутривидовой конкуренции превращаются в новые виды, более приспособленные к условиям окружающей среды, а следовательно, и более совершенные, чем вид, породивший их. Так возникает приспособленность организмов к среде, а следовательно, и органическая целесообразность.

Таким образом, учение о неопределенной изменчивости, дающей материал для естественного отбора, является одним из ключевых принципов эволюционной теории Дарвина.

Наследственность. Учение о наследственности в тот период еще не существовало, ибо генетика как наука возникла лишь в начале XX в. Не было, следовательно, ничего известно и о механизмах передачи признаков по наследству и о структурах, ответственных за эту передачу.

Всеобщим было признание возможности наследования признаков, приобретенных организмом в процессе его индивидуального развития (благоприобретенные признаки). Кстати, и сам Дарвин придерживался этой точки зрения. Сторонником этих взглядов был и Энгельс, что неудивительно, ибо в то время иных представлений о механизмах передачи признаков по наследству не могло существовать.

Парадокс, однако, заключался в том, что учение Дарвина о неопределенной изменчивости и естественном отборе находилось в противоречии с принципом наследования приобретенных признаков, ибо те случайные и разнонаправленные изменения, которые в соответствии с дарвиновской концепцией служат материалом для отбора, представляют собой не приобретенные в ходе индивидуального развития организма, а врожденные признаки, унаследованные от родителей в результате изменения наследственной структуры последних. В то время, однако, когда генетики как науки еще не существовало, природа неопределенной изменчивости ни Дарвину, ни его ближайшим последователям была неизвестна, хотя творцу эволюционной теории было совершенно очевидно, что эта изменчивость наследственна и является главной причиной самого процесса эволюции, поставляя необходимый материал для естественного отбора. Последний же является тем решающим фактором, который придает эволюции характер адаптивного процесса, направляет его в русло органической целесообразности.

Лишь спустя много десятилетий, когда возникла и достигла огромных успехов хромосомная теория наследственности и генетика соединилась с дарвинизмом, стало очевидным, что дарвиновская неопределенная изменчивость есть не что иное, как спонтанные изменения генетической структуры, именуемые на языке современной генетики мутациями.

Таким образом, современная синтетическая теория эволюции, в основе которой лежит учение Дарвина, обогащенное достижениями генетики, а в последнее время и молекулярной биологии, покоится на признании мутаций как главного источника эволюционных изменений, а естественного отбора как фактора, закрепляющего полезные мутации в популяциях и придающего им приспособительный характер.

В противоположность синтетической теории эволюции — современному дарвинизму — неоламаркизм отождествляет изменчивость и эволюцию. В соответствии с этой эволюционной концепцией любые изменения организмов, происходящие под воздействием внешней среды, могут быть только полезными для них, а следовательно, и приспособительными (адаптивными). Изменчивость, таким образом, согласно неоламаркистским представлениям, является одновременно и адаптивным процессом. Это значит, что изменчивость сама по себе выступает как источник целесообразности⁹.

Неоламаркизм, следовательно, — это концепция прямого приспособления к среде, при котором выпадает важнейшее звено — естественный отбор. Полностью отвергая последний как фактор органической целесообразности, неоламаркизм постулирует целесообразные реакции организма на воздействия внешней среды, а тем самым приходит к принципу изначальной целесообразности, т. е. к телеологическим и автогенетическим построениям. Отвергая неопределенную ненаправленную изменчивость, внутривидовую конкуренцию, естественный отбор и дивергенцию, современный неоламаркизм неизбежно приходит к признанию ортогенетического, конвергентного развития, к отрицанию монофилетического происхождения видов и по существу основ современной эволюционной филогенетики.

⁹ См. об этом И. И. Шмальгаузен. Проблемы дарвинизма. М., 1946. (2-е изд. — Л., 1969).

В свете изложенного едва ли возникает какое-либо сомнение в том, что становление человека как биологического вида следует рассматривать с позиций синтетической теории эволюции — современного дарвинизма, а не с позиций неоламаркизма. Это значит, что в процессе формирования человека, в развитии всех его морфологических структур (мозга, черепа, посткраниального скелета), физиологических особенностей и черт поведения решающую роль играли мутационная изменчивость и естественный отбор, т. е. те же самые факторы, которые лежат в основе эволюции всех прочих биологических видов.

Однако с появлением древнейших гоминид, т. е. высокоразвитых двуногих приматов, перешедших от употребления естественных предметов в качестве орудий к их искусственному изготовлению, произошло существенное событие, наложившее глубочайший отпечаток на все дальнейшее течение процесса биологической эволюции человека. Возник новый тип взаимоотношения организма со средой, не существовавший в период дочеловеческой эволюции органического мира.

Этим новым типом взаимоотношения организма со средой явилось активное приспособление к среде, изменение ее с помощью искусственно созданных орудий, т. е. тот комплекс явлений, который именуется трудовой деятельностью, сыгравшей, как подчеркнул Энгельс, столь выдающуюся роль в процессе выделения предков человека из животного мира и возникновения человеческого общества.

Значит ли это, однако, что трудовая деятельность коренным образом изменила закономерности эволюционного процесса, преобразовала основные механизмы биологического видообразования, предусмотренные теорией Дарвина, и явилась, таким образом, новым фактором, видоизменившим сущность эволюции как адаптивного процесса, подчиненного естественному отбору? Заменял ли труд один из трех главных факторов эволюционного процесса, установленных Дарвином, а именно изменчивость, наследственность и естественный отбор, или все эти факторы вместе, став единственной движущей силой эволюции человека? Явился ли он новым, дополнительным, четвертым фактором эволюции? Или, не будучи сам фактором эволюционного преобразования человека, он, быть может, модифицировал в ту или иную сторону действие каждого из указанных факторов, парализуя полностью или частично один из них и дав простор действию других?

Все эти вопросы неизбежно возникают при попытке анализа конкретной роли трудовой деятельности в процессе антропогенеза.

В литературе нередко можно встретить высказывания о том, что главными движущими силами процесса антропогенеза были социальные закономерности¹⁰. Некоторые авторы говорят о биосоциальных закономерностях эволюции человека¹¹, а самого человека именуют «биосоциальным» видом¹². Справедливы ли подобные утверждения? Нам кажется, что они ошибочны.

Социальные закономерности управляют развитием человеческого общества, в основе которого лежит материальное производство и все вытекающие из него элементы социальной структуры. Подобно тому как методологически порочно перенесение биологических закономерностей на развитие общества, что приводит к биологизации исторического процесса и в конечном итоге к социальному дарвинизму и расизму, столь же ошибочна «социологизация» биологических процессов, в частности попытки положить в основу эволюции человека как биологического вида социальные закономерности. Равным образом нельзя говорить о каких-то смешанных «биосоциальных» закономерностях.

¹⁰ М. Ф. Нестурх. Происхождение человека. М., 1958.

¹¹ Ю. И. Семенов. Как возникло человечество. Красноярск, 1962.

¹² Н. П. Дубинин, Ю. Г. Шевченко. Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976.

Как справедливо подчеркивает Я. Я. Рогинский, таких смешанных (биосоциальных) закономерностей никогда не существовало. По его мнению, преобразование физического типа предков человека, изменение их морфофункциональных особенностей, происходивших под влиянием трудовой деятельности, все процессы передачи наследственных изменений органов тела потомкам, все те преимущества, которые давали своим обладателям эти наследственные изменения, — все эти явления подчинялись биологическим законам и никаким другим. Что же касается орудий труда древних гоминид, то они развивались в силу особенностей производства и совершенствовались путем социальной традиции, т. е. под влиянием новых, социальных закономерностей.

Таким образом, эволюция предков человека и их производственная деятельность подчинялись двум совершенно разным закономерностям — биологическим и социальным, но отнюдь не смешанным (биосоциальным). Все дело лишь в том, что биологические и социальные закономерности прилагались к одним и тем же индивидам — носителям коллективной производственной деятельности¹³. С этой точкой зрения я полностью согласен.

Подобно тому как нельзя говорить о «биосоциальных» закономерностях, неверными, с нашей точки зрения, являются и попытки именовать человека (как древнего, так и современного) «биосоциальным» видом. Вид — это категория сугубо биологическая, и наделять ее социальными свойствами, по нашему мнению, столь же ошибочно, как приписывать биологические свойства таким социальным категориям, как классы, нации, языки, культуры.

Вернемся, однако, к вопросам, поставленным в связи с рассмотрением соотношения между трудовой деятельностью и главными движущими силами эволюционного процесса: изменчивостью, наследственностью и естественным отбором.

Что касается мутационной изменчивости, то это — спонтанный процесс, происходящий в любых популяциях и, конечно, же, имевший место и в популяциях высокоорганизованных приматов, перешедших к трудовой деятельности. Трудовая деятельность, разумеется, не могла приостановить этого процесса и тем более вытеснить его в качестве фактора эволюции.

Наследственность и важнейшие ее механизмы присущи всем биологическим существам, независимо от типа их взаимоотношений с внешней средой. Трудовая деятельность не могла внести какие-либо изменения в функционирование наследственности.

Остается рассмотреть главный, решающий фактор эволюции — естественный отбор. Каково было соотношение этого фактора и трудовой деятельности в процессе эволюции человека?

Трудовая деятельность возникла у предков человека — высокоорганизованных приматов виллафранкской эпохи (австралопитековых) как неизбежное следствие их биологической невооруженности и явной неприспособленности к новым условиям жизни в открытых пространствах типа африканских саванн. С чисто биологической точки зрения, выпрямленная походка при отсутствии специализированных естественных органов защиты и нападения (мощные клыки, когти и др.) в условиях открытых пространств, населенных многочисленными видами хищных животных, создавала для этих приматов невероятные трудности в борьбе за существование, ставя их на грань катастрофы.

Единственным выходом из этой ситуации, грозившей им тотальным вымиранием, было коренное изменение типа приспособления к среде,

¹³ Я. Я. Рогинский, М. Г. Левин. Антропология. М., 1963, с. 308, 309; Я. Я. Рогинский. Методологические проблемы антропологии. — «Биологические науки (Доклады высшей школы)», 1966, вып. 3, с. 10.

характера поведения этих высокоорганизованных приматов путем использования естественных предметов (камней, палок, костей других животных) в качестве орудий защиты, нападения и добычания пищи, а в дальнейшем и к искусственному изготовлению орудий. Морфофункциональные особенности этих приматов, в частности свободные верхние конечности, относительно высокоразвитый мозг, хорошо подвижная кисть с расширенными концевыми фалангами пальцев, а также стадный образ жизни, предоставили им необходимые возможности для изменения типа поведения, приведшего к возникновению трудовой деятельности. Активное приспособление к среде в форме трудовой деятельности было единственно возможным путем дальнейшей прогрессивной эволюции виллафранкских предков человека, в то время как путь пассивного приспособления к среде в форме чисто биологических адаптаций привел многих из верхнеплиоценовых и раннеплейстоценовых приматов к полному вымиранию. Такая участь постигла, например, гигантопитеков и, возможно, ряд других высокоорганизованных приматов.

Таким образом, сама трудовая деятельность возникла в результате жесткого естественного отбора. Выживали те формы, которые по своим морфофункциональным особенностям, возникавшим в силу мутационной изменчивости, оказались способными перейти к новому типу поведения, элиминировались те, которые такими особенностями не обладали.

Трудовая деятельность даже на самых начальных этапах ее развития означала активное воздействие на природу, изменение ее с помощью орудий труда, приспособление среды к нуждам человека, другими словами, создание искусственной среды. Последняя постепенно воздвигала все более высокий барьер между человеком и его естественно-географическим окружением, ограждая его от непосредственного воздействия факторов природной обстановки¹⁴.

Труд, следовательно, явился тем мощнейшим фактором, который способствовал все большей и большей эмансипации предков человека от непосредственного воздействия окружающей среды. С усовершенствованием общественно-трудовой деятельности прямая зависимость человека от естественной среды постепенно уменьшалась, а следовательно, мало-помалу начинало утрачиваться значение телесных приспособительных изменений в дальнейшей эволюции человека.

Однако уменьшение прямой зависимости предков человека от окружающей среды в результате усовершенствования техники обработки каменных орудий, средств охоты, освоения огня и т. д. могло оказаться возможным лишь в результате прогрессивных изменений и преобразования физического типа наших предков, их морфологических структур, функциональных возможностей, другими словами, в результате их подъема на более высокие ступени биологической организации. Это относилось к совершенствованию структуры кисти, увеличению подвижности пальцев и дифференциации их движений, увеличению объема мозга и его морфологическому и функциональному усложнению, ослаблению рельефа черепа и увеличению его мозгового отдела, совершенствованию прямохождения и другим морфофункциональным преобразованиям, сопровождавшим видовую эволюцию человека, превращение древнейших и древних людей в вид человека разумного.

Все эти эволюционные преобразования могли осуществляться лишь в результате все более усиливавшейся мутационной изменчивости и жесткого давления естественного отбора, сохранявшего только те особи и группы, морфофункциональные особенности которых в наибольшей степени обеспечивали возможность совершенствования трудовых опера-

¹⁴ М. И. Урысон. Начальные этапы становления человека. — «У истоков человечества», М., 1964, с. 114.

ций, приемов охоты, повышавших ее эффективность, усиления сплоченности первобытных коллективов, усложнения их социального поведения.

Таким образом, естественный отбор продолжал оставаться могучим фактором эволюционного становления предков человека и тогда, когда они в силу упомянутого выше комплекса эколого-биологических причин коренным образом изменили характер своего поведения, встав на путь трудовой деятельности — единственно возможный при тех обстоятельствах путь взаимоотношения со средой, обеспечивший им необходимые условия для прогрессивной эволюции.

Но под влиянием трудовой деятельности естественный отбор, продолжая оставаться важным фактором эволюции человека, изменил свое направление, приобрел как бы новый вектор. Если в мире животных и растений естественный отбор благоприятствует сохранению форм, в максимальной степени зависящих от природных условий и естественной среды, то с появлением древнейшего человека и трудовой деятельности естественный отбор стал поощрять те формы, которые все больше эмансипировались от влияния природной среды и создавали искусственную среду, тем самым постепенно освобождаясь от необходимости непосредственной телесной адаптации к окружающим условиям жизни. Выражаясь фигурально, естественный отбор в мире животных и растений действует нередко в направлении максимального порабощения организмов природой. В эволюции человека же естественный отбор действовал в обратном направлении: он способствовал максимальному освобождению человека от сил природы и в конечном итоге привел к господству над ними.

Труд, таким образом, изменил направление естественного отбора, взял его как бы под свой контроль. Отбор стал благоприятствовать сохранению тех особей (или групп), которые в силу наличия у них соответствующих морфофункциональных особенностей были лучше приспособлены к более сложным трудовым навыкам, к изготовлению более эффективных орудий охоты, обладали более высоким уровнем социального поведения, объединялись в более сплоченные коллективы. Тем самым они успешнее создавали искусственную среду (освоение огня, охота, жилище, одежда), а стало быть, в меньшей степени были подвержены необходимости телесно приспосабливаться к изменяющимся условиям естественной среды. В результате этого, по мере эволюционного прогресса древнейших и древних людей, они все в меньшей степени стали подвергаться действию естественного отбора, ибо становились все более независимыми от окружающей среды, а уровень их социального поведения непрерывно возрастал.

Таким образом, развитие трудовой деятельности способствовало тому, что естественный отбор стал создавать такие формы гоминид, которые в ходе своей дальнейшей эволюции все в меньшей степени подвергались его действию¹⁵. Возникла парадоксальная ситуация: под влиянием труда отбор действовал в направлении самоограничения, он как бы работал против самого себя, создавая предпосылки для своего самоустранения¹⁶.

Но лишь в лице *Homo sapiens*, появившегося на рубеже позднего палеолита, отбор создал существо, уровень развития мозга и социального поведения которого позволили ему почти полностью выйти из сферы действия естественного отбора и развивать в дальнейшем безгранично технику, культуру и социальные отношения, не подвергаясь сколь-нибудь существенному эволюционному (видовому) преобразованию. Так

¹⁵ М. И. Урысон. Указ. раб., с. 119.

¹⁶ В. И. Кремянский. Переход от ведущей роли отбора к ведущей роли труда. — «Успехи современной биологии», т. 14, № 2, 1941; Я. Я. Рогинский. К вопросу о периодизации процесса человеческой эволюции. — «Антропологический журнал», 1936, № 3; его же. Проблемы антропогенеза. М., 1969.

под влиянием труда важнейший фактор биологической эволюции — естественный отбор, породив вид *Homo sapiens*, элиминировал самого себя, ибо с появлением человека разумного возникло и человеческое общество с присущими ему социальными закономерностями, положившими конец эволюции человека как биологического вида.

В этом, как нам представляется, и заключалась диалектика процесса антропогенеза.

Подведем некоторые итоги.

Итак, совершенно очевидно, что в ходе эволюции человека как биологического вида продолжали действовать, и притом весьма интенсивно, главные факторы эволюционного процесса, постулированные теорией Дарвина для развития органического мира. Среди них особое значение имел естественный отбор — основная движущая сила видообразования, придающая эволюции характер адаптивного процесса.

Трудовая деятельность не отменила и не заменила ни один из факторов биологической эволюции. Труд не вытеснил и естественный отбор из системы факторов эволюционного процесса. Но тем не менее значение трудовой деятельности в становлении человека было необычайно велико и заключалось оно в том, что труд модифицировал действие естественного отбора, изменив его направление и придав ему как бы новый вектор. Этот новый вектор выражался в том, что отбор стал благоприятствовать возникновению и прогрессу таких существ, которые все в большей степени эмансипировались от влияния условий природной среды и вместе с тем приспосабливались к созданной ими искусственной среде. Это привело к ограничению роли естественного отбора в дальнейшей видовой эволюции человека.

Таким образом, естественный отбор под жестким контролем трудовой деятельности способствовал созданию предпосылок для своего собственного самоустранения.

Вместе с тем следует самым решительным образом подчеркнуть то обстоятельство, что труд при всем своем огромном значении для становления человека как качественно нового существа не являлся фактором, непосредственно обуславливавшим изменение морфологических структур и функциональных особенностей формировавшихся людей и закреплявшим эти изменения в потомстве. Что же касается отдельных мест из знаменитой статьи Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», которые можно истолковать в подобном смысле, то их следует отнести за счет уровня и состояния биологической науки, характерных для периода 70-х годов прошлого столетия, когда писалась статья Энгельса. Это было время, когда генетики как науки еще не существовало, а доминирующее положение в биологии занимали неоламаркистские идеи о наследовании приобретенных признаков. Других представлений о наследственности в то время быть и не могло. Естественно, что Энгельс не мог не находиться под влиянием этих идей, нашедших свое отражение в тех местах его статьи, где говорится о передаче по наследству изменений в костях, мышцах и связках, возникавших под непосредственным воздействием трудовой деятельности. Вместе с тем хорошо известно, что Энгельс был убежденным дарвинистом и не разделял основных положений ламарковской эволюционной концепции, особенно в части, касавшейся принципа изначальной целесообразности¹⁷.

Из сказанного вытекает также и то, что труд не был альтернативой отбору. Труд и отбор — разнопорядковые факторы. В процессе антропогенеза оба эти фактора сосуществовали и находились в диалектическом взаимодействии друг с другом. Поэтому противопоставлять труд естест-

¹⁷ К. М. Завадский, А. Б. Георгиевский, А. П. Мозелов. Энгельс и дарвинизм. — «Вопросы философии», 1970, № 11.

венному отбору было бы серьезной методологической ошибкой. Столь же ошибочным можно считать противопоставление трудовой теории Энгельса учению Дарвина об антропогенезе. Эти учения не исключают, а взаимно дополняют друг друга.

Величие Дарвина заключается в том, что он распространил открытые им законы органической эволюции, в том числе принцип естественного отбора, на биологическую эволюцию человека, уничтожив пропасть между ним и остальной природой, создававшуюся веками сторонниками идеалистического мировоззрения.

Сила и величие идей Энгельса в том, что он впервые в истории науки показал, какую огромную роль сыграл труд в возникновении качественных отличий человека от животного, в выделении человека из животного мира, в становлении его как социального существа, в возникновении общества с присущими ему социальными закономерностями. Этим была заложена основа наших современных марксистских представлений, согласно которым невозможно перенесение биологических закономерностей на развитие человеческого общества, и дано могучее оружие в борьбе против таких реакционных концепций, как социальный дарвинизм, расизм и евгеника. Именно из учения Энгельса вытекает важнейшее теоретическое положение советской антропологии о прекращении видовой биологической эволюции человека после появления *Homo sapiens*. Идеи Энгельса о роли труда сохраняют свою силу и значение и в наши дни, несмотря на то, что наука за истекшее столетие шагнула далеко вперед и накопила огромный фактический материал, не существовавший во времена Энгельса.

Таким образом, признание естественного отбора как фактора видовой биологической эволюции человека и трудовой деятельности как фактора, сыгравшего решающую роль в выделении человека из животного мира и становлении его как качественно нового существа, составляет естественнонаучную и философскую основу современной диалектико-материалистической концепции антропогенеза, которая должна строиться на синтезе и дальнейшем развитии учений этих двух великих мыслителей.

DARWIN, ENGELS AND CERTAIN PROBLEMS IN ANTHROPOGENESIS

The problem is examined of the role played by natural selection and that played by labour activity in the rise of man as a biological species. This process was subject to biological regularities among which a particularly important part belonged to mutational variability and natural selection. With the emergence of earliest men and the first artificial man-made tools there arose a new type of interrelation between the organism and its environment: active adaptation to the environment and its modification, i. e. the whole complex of phenomena that we call labour activity; this played (as was stressed by Engels) a prominent part in the emergence of man from the animal kingdom and the rise of human society. Labour activity, which itself came into being as a result of severe natural selection, altered the direction of the latter. Under the influence of labour natural selection acquired, as it were, a new vector: it began to encourage those hominid forms, that in their further evolution became less and less subject to its influence. Labour was not an alternative to selection: labour and selection are two co-existing factors different in their nature that interacted with one another in that process by which man's ancestors came into being. Contraposition of these two factors is no less erroneous than the contraposition of Engels' theory on the role of labour in the rise of man and Darwin's teaching on anthropogenesis. These doctrines are not alternative but mutually supplementary. The modern dialectical-materialist concept of anthropogenesis, which should be elaborated through a synthesis of the teachings of these two great thinkers, has as its scientific and conceptual basis the recognition of natural selection as a factor in man's biological evolution and of labour activity as the decisive factor in the emergence of man as a qualitatively new being.